

Ник Перумов в тридцать лет стал одним из популярнейших российских писателей и на протяжении многих лет прочно держится в десятке наиболее издаваемых авторов. Он создал продолжение толкиеновского «Властелина колец», за десять лет выпустил 18 книг, любит встречаться с читателями, живет, разрываясь между Россией и Америкой, любит пиво и гномов, пишет одновременно пять романов. Последний — «Череп на рукаве» только что вышел в свет.

Сам не верю в то, о чем пишу

— Ник, «Властелина колец» смотрели?

— Да, пять раз. В Далласе. Сначала сам, потом вместе с сыном. Честно? Не понравился.

— Что ж вы пять раз мучились?!

— Режиссер сделал две ошибки. Первая — позиционировал свой фильм как произведение фана для фанов. Вторая — передоверившись спецэффектам, отменил актерскую игру. Эти ошибки, по-моему, похоронили фильм. Очень жалко. Двадцать лет мечтал увидеть нечто подобное, когда впервые в 1982 году взял в руки «Хранителей», — и такое разочарование.

— Вам не кажется, что это лучшее из возможного?

— Нет. Где текст? Вместо максимального приближения к оригиналу — вольная интерпре-

фото Максима Бурлака

НИК ПЕРУМОВ:

fantasy — это forever!

тация. Взяли исходный материал — и начали резать его по живому. Если бы этот сценарий написал Толкиен, я бы нисколько не возражал. Но тут...

— Должно быть, вам, как продолжателю Толкиена, особенно обидно. Может, время фэнтези проходит?

— Об этом говорят с первого дня возникновения фэнтези. Возможно, останется меньше книг, зато появится больше игр. Для них тоже нужна хорошая литературная основа.

— Все будем уходить в мир иллюзий?

— Слушайте, что такое реальный мир? Является ли роман «Мастер и Маргарита» уходом в мир иллюзий? «Руслан и Людмила», «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Вся русская литература проникнута фантастикой.

— Но ни одно из этих произведений не создало массового ухода в нереальность. За вами же идут тысячи мальчишек. Они погружаются в мир ваших героев.

— Скорее это можно отнести к Толкиену. Это его контингент.

— Но в России это вы...

— Мои миры не благодетельны — они жестокие и приближены к реальности. Но появившись та же поэма Пушкина «Руслан и Людмила» в другое время и в другом месте, почему бы ей не повести за собой кого-то, не стать основой для ролевых игр? Общество изменилось. Мир стал более жестоким, менее психологически комфортабельным для человека, нежели в начале XIX столетия. И люди ищут лекарства от этого мира. Это не наркотики, не обезболивающее, это своего рода вратарские щитки: на вас летит шайба — вы должны ее отбивать.

— Вы сами верите в мир, который создаете?

— Нет, конечно. Я же реалист. Гомер, возможно, верил,

когда писал «Илиаду». Эти миры реальны для меня, пока я о них пишу.

Если что, опять стану биологом

— Не мешает ли творчество вашей повседневной жизни? Вы ведь работаете в Далласе по контракту микробиологом?

— Работал. Срок контракта уже истек.

— И что дальше?

— Никто не знает, как повернется наша судьба. От сумы и от тюрьмы не зарекайся, никогда не говори «никогда». Каждый писатель в душе реалист и понимает, что невозможно быть

Франции, и в Италии, и в Германии. Играл наш Федор Михайлович в рулетку в Баден-Бадене, и никому в голову не приходило ставить под сомнение его статус русского писателя, его чувство к Родине.

— Ну, он-то про Родину только и писал...

— А я про что? Россия — прототип всех моих миров, выйдете на улицу и сравните...

— И тиражи у вас побольше, чем у Федора Михайловича...

— Нет, вам грех жаловаться. Мне — да, но огромное количество творческих людей остались без средств к существованию. Нынешний издатель-

тересные книги, а есть неинтересные.

— Отдаю вам должное. Вы — один из самых читаемых сегодня авторов. Как удается поддерживать к себе такой интерес?

— Это как про сороконожку, которую спросили: как ты можешь одновременно передвигать сорока ногами? Задумавшись, она тут же упала. Я просто предельно честен с читателем и пишу то, что интересно самому. Не выдаю на-гора десятки томов...

— ...но пишете одновременно пять произведений. Не угнетает график сдачи книг?

— У меня его нет. Я продаю только готовую продукцию. Сам себя тороплю, потому что каждый день читаю письма читателей с вопросами: а когда выйдет та книга, а когда тот роман? Видишь, что это реально надо людям, и сам себя подстегиваешь. Крутая фраза Стругацких, но очень правильная: «Я же не онанизмом занимаюсь, я же для людей пишу». Очень точно сказано.

— На работе знали о том, что вы пишете?

— Я давал почитать маленькие отрывки, которые переведены на английский и испанский языки. Коллеги отнеслись к этому с некоторым пиететом, но достаточно равнодушно. Для них это всего лишь мое хобби.

Пусть сын пока поучится в Штатах

— Как вам показалась жизнь в Америке?

— Там огромный процент населения погрузился в полное отупение, это следствие большой подверженности стрессам. Того, что было у советских людей — уверенности в завтрашнем дне, у американцев нет и никогда не было. От этого стресса возникает постоянное желание

принять какую-то таблетку-антидепрессант, чтобы поскорее забыться. Мне многое не нравится в Америке. Я против государственной политики, этакого мяконького тоталитаризма, идея которого: жуй свой гамбургер и не высывайся — и у тебя все будет в норме. Но там я встретил огромное количество людей, которые действительно стараются быть хорошими. Не всегда это у них получается, но они честно стараются.

— И вы не боитесь оставлять там своего сына?

— Одно по крайней мере хорошо в Америке. Там в школах насмерть борются с наркотиками. А я как отец очень боюсь, что здесь, в Москве, мой сын — такой добрый, домашний мальчишка, не звереныш, который будет доставать себе все кулаками, потому что в Америке это не принято — пропадет. Да, возможно, наши лучшие московские школы дают более качественное образование в фундаментальных науках — физике, математике, не спорю. Но я прекрасно помню, как мы сидели в начальной школе: руки в замок, не пошевелиться, не сказать соседу слово, и всем было наплевать, что ребенку очень трудно сидеть так 45 минут, что это противоречит его природе. В американской школе можно встать без разрешения, пройтись по классу, выйти из него, если тебе нужно, и никто не спросит тебя, куда ты идешь. И мой сын привыкает к тому, что свобода — это не великое благо, за которое надо кланяться в ножки батюшке-царю, а нечто имманентно присущее ему с рождения. Он растет двуязычным человеком, знающим две культуры, и мой отцовский долг — дать ему это, а потом пусть сам выбирает, как жить дальше.

■ Ольга Ларионова.

В Америке огромный процент населения погрузился в полное отупение. Того, что было у советских людей — уверенности в завтрашнем дне, у американцев нет и никогда не было.

популярным всю жизнь до самой смерти и после нее — это удавалось считанным единицам. Может, пройдет год-два — и мои книги перестанут интересовать читателей. Или введут завтра налог на книгоиздание, взлетит стоимость книг до небес, перестанут люди их покупать, упадут тиражи до ничтожных величин... Что делать? Надо брать в руки пипетку и становиться за стол делать опыты. А эти опыты у нас совершенно не оплачиваются. Люди в биологии выживают только за счет западных контрактов.

— Так что, назад в Россию?

— Пока поживу в Переделкино, а потом, может, где-нибудь и за границей. Жили же русские писатели годами и во

кий бизнес, к сожалению, позволяет существовать единицам пиковых авторов. Для прочих уготовливает, мягко говоря, полуголовное существование, если вы только не живете на Украине, где был кризис, а потому на деньги, в десять раз меньшие, чем тут, можно существовать вполне нормально. Поэтому многие гуманитарии живут на западные гранты, особенно те, кого относят к высокой, настоящей литературе.

— Вы себя к настоящей литературе не относите?

— Что значит — «не отношу»? Не относят люди, которые по старой памяти возводят классификации. Я не занимаюсь попытками позиционировать себя — модное такое слово. Есть ин-

1-14.05.2002